

Артистка для МИЛЛИОНЕРА

Книга первая.

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ МУЗА

18+

Алла Есенина

Артистка для миллионера. Книга первая. Провинциальная муза.

«Автор»
2026

Есенина А.

Артистка для миллионера. Книга первая. Провинциальная муза. / А. Есенина — «Автор», 2026

Марина приехала покорять Москву и поступила в театральный со второго раза. Она красива, упряма и знает, чего хочет: красный диплом, хороший театр, Нина Заречная. Никаких романов, пока не сбудется мечта.Но Москва не любит тех, кто приезжает за мечтой.Знаменитый актёр, народный артист и её преподаватель, называет Марину юной музой и приглашает в гримёрку после спектаклей. Актрисы его театра ненавидят выскочку из провинции.Обаятельный бизнесмен дарит ей букеты с сервелатом внутри и смеётся над её наивностью.Холодный миллионер смотрит на неё из директорской ложи так, будто знает о ней больше, чем она сама.А однажды вечером в гримёрке гаснет свет, и на шею Марины ложится удавка.Кто стоял в темноте? Кому она перешла дорогу? И какую цену придётся заплатить за мечту в городе, где красивее всего улыбаются те, кто душат?Остросюжетный любовный роман о театре, богатстве, опасных мужчинах и девушке, которая не продаётся.

© Есенина А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Со второго раза 5
Глава 2. Юная муза 7
Глава 3. Змеиное гнездо 9
Глава 4. Тысячный выход 11
Глава 5. Темнота 14
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Артистка для миллионера. Книга первая. Провинциальная муза.

Глава 1. Со второго раза

Москва не любит тех, кто приезжает за мечтой. Она любит тех, кто приезжает за мечтой и не уезжает обратно.

Марина Крылова поняла это ещё в прошлом году, когда стояла у доски со списками поступивших и искала свою фамилию. Искала трижды. Сверху вниз, снизу вверх, потом пальцем, как первоклассница. Фамилии не было.

— Ничего, — сказала она тогда маме по телефону и даже улыбнулась, хотя мама её видеть не могла. — Значит, на следующий год.

— Мариш, может, ну его? — осторожно спросила мама. — У нас в Воронеже тоже институты есть. Педагогический. Будешь детей учить, стихи с ними читать…

— Мам. Я вернусь только на гастроли.

Мама вздохнула так, как умеют вздыхать только мамы — с любовью, тревогой и полным пониманием, что спорить бесполезно.

Год Марина отработала администратором в салоне красоты на Таганке, снимала угол у глуховатой старушки Нины Павловны, по вечерам ходила в студию при районном доме культуры и учила басни перед зеркалом в ванной. Нина Павловна стучала в дверь клюкой и кричала: «Деточка, у тебя там кто-то есть? Ты с кем ругаешься?» — «С Крыловым, Нина Павловна! С однофамильцем!»

А через год её фамилия в списке стояла. Седьмой строчкой. Марина не заплакала — она вообще редко плакала, — просто села на ступеньки прямо у входа, прижала к груди сумку и сидела так минут двадцать, пока охранник не спросил, не плохо ли ей.

— Мне хорошо, — ответила Марина. — Мне так хорошо, как никогда в жизни.

Теперь она была на втором курсе.

Общежитие на Трифоновской, комната на троих, из которых третья — Алина из Самары — появлялась только чтобы переодеться и снова исчезнуть в направлении какого-то бесконечного «кастинга». Вторая, рыжая Ксюша из Твери, смешливая, с голосом, который мог перекрыть строительный перфоратор, стала Марине почти сестрой.

— Крылова, ты опять в шесть утра? — простонала Ксюша из-под одеяла. — Ты нормальная вообще?

— Сценречь в девять. Мне надо разогреть аппарат.

— Какой аппарат, господи… У тебя аппарат такой, что на тебя весь курс шею сворачивает. Тебе разогревать нечего.

Марина фыркнула, затянула волосы в тугой узел и встала к окну. За стеклом серело октябрьское утро, внизу дворник лениво гонял листья. Она расправила плечи, положила ладонь на диафрагму и начала:

— Бык тупогуб, тупогубенький бычок, у быка бела губа была тупа…

— Убей меня, — сказала Ксюша подушке.

Марина знала, что красива. Не потому что смотрелась в зеркало подолгу — как раз нет, — а потому что ей об этом слишком часто напоминали. Высокая, с длинными ногами, с тёмно-русыми волосами до лопаток и серыми глазами, в которых, как говорил её первый педагог в Воронеже, «живёт трагедия, а снаружи стоит комедия и курит». Мужчины оборачивались на улице. Однокурсники звали в кафе, в клубы, «просто погулять». Один парень с третьего

курса полгода подкладывал ей в шкафчик шоколадки «Алёнка» — видимо, считал, что это оригинально.

Но у Марины был план. Простой и жёсткий, как расписание электричек. Закончить вуз с красным дипломом. Попасть в хороший театр. Сыграть Нину Заречную, Катерину, Бланш Дюбуа. Сниматься. И только потом — всё остальное.

«Любовь, Мариша, никуда не денется, — говорила бабушка. — А молодость — денется. Не разменяй её на ерунду».

Бабушка, между прочим, вышла замуж в девятнадцать и всю жизнь об этом жалела.

— Ты завтракать будешь? — Ксюша наконец выбралась из-под одеяла, похожая на взъерошенную лисицу. — У меня полбатона и вчерашняя гречка.

— Буду гречку.

— Вот за что я тебя люблю, Крылова. Принцесса с лицом из журнала, а жрёт холодную гречку из кастрюли.

— Я не принцесса. Я девочка из Воронежа, у которой стипендия три с половиной тысячи.

— Ой, кстати, о принцессах, — Ксюша хитро прищурилась. — Твой опять вчера про тебя спрашивал.

— Какой ещё мой?

— Северский. Глеб Аристархович. Подошёл ко мне в буфете, весь такой в кашемире, пахнет как бутик в ЦУМе, и говорит: «Ксения, а где наша Марина? Почему её не было на мастер-классе?» Наша, Крылова! Наша!

Марина почувствовала, как к щекам приливает кровь, и отвернулась к окну.

— Он всех так называет.

— Ага. Всех. Меня он вообще полтора года называет Светой.

Глава 2. Юная муза

Глеба Аристарховича Северского в Москве знали все, кто хоть раз покупал билет в театр. Народный артист, лауреат всего, что только можно получить, лицо с афиш и из старых фильмов, которые до сих пор крутят по праздникам. Его голос — бархатный, низкий, с лёгкой хрипотцой — узнавали с первой фразы. Говорили, что когда-то он читал Бродского так, что женщины в зале падали в обморок. Возможно, преувеличивали. Возможно, нет.

Ему было пятьдесят шесть. Седина на висках, которую он не закрашивал принципиально, прямая спина, дорогие пиджаки, тонкие пальцы с перстнем на мизинце. И глаза — светло-карие, внимательные, чуть усталые, с той особой искрой, которая бывает у людей, привыкших, что на них смотрят.

Сценическую речь он вёл уже четвёртый год. Говорили, что согласился «из любви к профессии». А ещё говорили, что ради денег. Также говорили, что ради молоденьких студенток. В театральном вузе говорят всё и обо всех — это, в конце концов, часть учебного процесса.

— Крылова, — произнёс он в первый же день, сверившись со списком. И поднял глаза.

Марина запомнила этот взгляд. Он смотрел на неё долго, секунды три, а это на занятии, где сидят двадцать человек, — вечность.

— Прочтите что-нибудь. Что угодно. Что вам сейчас ближе всего.

Она прочла Цветаеву. «Мне нравится, что вы больны не мной». Голос дрогнул на второй строфе — от волнения, конечно, — но она выровняла его и дочитала до конца.

Северский молчал. Потом медленно снял очки.

— Откуда вы, Марина?

— Из Воронежа.

— Из Воронежа, — повторил он так, словно она сказала «из Флоренции». — Мандельштам писал о Воронеже. «Пусти меня, отдай меня, Воронеж…» Вы знаете?

— Знаю.

— Хорошо. Очень хорошо. Звук у вас грудной, природный. Только зажаты вы, как пружина. Будем раскрывать.

И он раскрывал. Целый год.

Сначала Марина ничего не замечала. Ну, задерживает после пары — так ведь объясняет ошибки. Ну, хвалит чаще других — так ведь она и правда старается. Ну, однажды подвёз до метро, когда хлестал ливень, а у неё порвался зонт, — так ведь это просто вежливость.

Потом начались билеты.

— Марина, вы видели «Дядю Ваню» у нас в театре? Нет? Это преступление. Вот, держите. Первый ряд, середина. И обязательно, слышите, обязательно зайдите ко мне после спектакля. Мне важно ваше мнение.

Её мнение. Мнение второкурсницы из Воронежа было важно народному артисту.

Она пришла. Сидела в первом ряду в единственном своём приличном платье — чёрном, купленном на распродаже ещё в десятом классе, — и смотрела, как Северский играет Астрова. И забыла, что это Северский. Забыла, что это её преподаватель. Был просто человек, уставший от жизни, влюблённый не в ту, сажающий леса, которые никто не увидит. Когда опустился занавес, Марина обнаружила, что у неё мокрые щёки.

В гримёрке пахло пудрой, коньяком и розами — их было столько, что ваз не хватало, и букеты лежали прямо на диване.

— Ну? — спросил он, стирая грим ватным диском. — Только честно.

— Я плакала, — призналась Марина. — Я никогда не плачу.

Он обернулся. И посмотрел на неё так, что ей стало неловко.

— Это лучшая рецензия за последние десять лет, — тихо сказал Северский. — Спасибо вам, моя юная муза.

С тех пор «юная муза» звучала всё чаще.

Он никогда не позволял себе лишнего. Не трогал за коленку, не звал «на чай», не писал по ночам двусмысленных сообщений. Его ухаживание было старомодным, как в фильмах, в которых он когда-то снимался. Корзинка с клубникой на день рождения — в марте, где он достал в марте такую клубнику? Томик Ахматовой с дарственной надписью: «Марине — которая ещё не знает, кем станет. Но я знаю». Приглашения на премьеры. Знакомство с режиссёрами, мимоходом: «А это Марина, моя ученица, запомните это лицо».

— Он тебя пасёт, — авторитетно заявила Ксюша, разглядывая Ахматову. — Как кот мышку. Медленно и красиво.

— Ксюш, ему почти шестьдесят.

— И что? Ты знаешь, сколько у него денег? Говорят, у него пятикомнатная квартира на Патриарших. Пятикомнатная, Крылова! Мы с тобой втроём в восемнадцати метрах живём. И он холостой. Ни разу не был женат, представляешь? Все бабы театральной Москвы облизываются.

— Вот пусть и облизываются.

— А ты?

Марина не ответила.

Если быть совсем честной — а с собой она старалась быть честной всегда, — Северский ей нравился. Как человек. Как артист. Как учитель, который действительно что-то в неё вложил. Ей льстило его внимание, его взгляд, его «юная муза». Ей нравилось, что в его присутствии она чувствовала себя не провинциалкой со стипендией в три с половиной тысячи, а кем-то значительным. Будущей актрисой.

Но когда она представляла, что однажды он захочет большего… Его руки с перстнем на мизинце. Его губы. Его пятикомнатную квартиру, где, наверное, огромная кровать с бархатным покрывалом…

Её передёргивало.

И одновременно в голове звучал холодный, трезвый голос, который она сама в себе не любила: «Это Москва, Марина. Здесь никто ничего не даёт просто так. Он может открыть тебе любые двери. Одно его слово — и ты в труппе лучшего театра. А может и закрыть».

Она гнала эти мысли. Но они возвращались. Каждый раз, когда он говорил: «Зайдите ко мне в антракте, Марина. Обязательно».

Глава 3. Змеиное гнездо

В театре её возненавидели сразу. Ещё до того, как она успела хоть кому-то что-то сказать.

Марина почувствовала это кожей в первый же вечер, когда шла по служебному коридору к гримёрке Северского. Навстречу попались две актрисы в халатах поверх сценических костюмов — одна постарше, яркая брюнетка с хищными скулами, вторая молоденькая, блондинка с кукольным лицом. Брюнетка смерила Марину взглядом от туфель до макушки, и этот взгляд был как наждачная бумага.

— Это ещё что за явление? — громко спросила она у блондинки, не понижая голоса.

— Новая муза Глеба, — хихикнула та. — Говорят, из колхоза.

— Из Воронежа, — спокойно поправила Марина, проходя мимо.

— Ой, извините, — пропела брюнетка ей в спину. — Из Воронежа. Это, конечно, совсем другое дело.

Потом Марина узнала, кто это. Инесса Звягинцева — заслуженная артистка, прима, сорок два года, два развода, роль Аркадиной и очень длинная память на обиды. По театру ходили слухи, что лет пять назад у неё с Северским «что-то было». Что она приезжала к нему на Патриаршие с вещами — и уехала через неделю с теми же вещами. Что с тех пор она ждёт. Блондинка была Вика Лаврова, молодая героиня, у которой планов на Северского было, по слухам, не меньше, а терпения — гораздо меньше.

— Ты для них красная тряпка, — объяснил Марине старый костюмер дядя Боря, единственный человек в театре, который ей сразу понравился. Он курил на чёрной лестнице и пускал дым в форточку. — Глеб у нас мужчина видный. Одинокий. С квартирой. А в театре, деточка, у каждой второй съёмная однушка в Бирюлёво и мама с давлением. Они все годами в очереди стоят, а тут ты — молодая, красивая, пришла с улицы и сразу «муза». Ты им всю бухгалтерию испортила.

— Я ни в какой очереди не стою, — сказала Марина. — Мне от него ничего не нужно.

Дядя Боря посмотрел на неё долгим взглядом и усмехнулся в седые усы.

— Вот это, деточка, их больше всего и бесит.

За полгода Марина привыкла ко многому. К тому, что в буфете при её появлении замолкали разговоры. К тому, что однажды кто-то вылил на её пальто, висевшее в гардеробе, тюбик тонального крема. К тому, что Вика Лаврова как-то раз «случайно» наступила ей на ногу каблуком так, что ноготь потом сошёл.

А месяц назад в кармане того же пальто Марина нашла записку. Обычный листок из блокнота, печатные буквы, синяя ручка:

«ДЕРЖИСЬ ОТ НЕГО ПОДАЛЬШЕ. ЭТО НЕ ТВОЁ».

Она показала записку Ксюше.

— Детский сад, — фыркнула та. — Это Звягинцева. Или Лаврова. Или обе вместе, сидели и хихикали. Выкинь.

Марина выкинула. Но почему-то запомнила, как ровно, почти по линейке, были выведены эти буквы. Как будто писал человек, который никуда не торопился.

В тот вечер, когда это случилось, — Марина потом будет вспоминать его по секундам, — всё началось с того, что она опоздала.

Метро встало на Белорусской на пятнадцать минут, и когда она, запыхавшаяся, влетела в фойе, третий звонок уже отзвенел. Гардеробщица неодобрительно поджала губы. Марина сунула ей пальто, схватила номерок и бросилась к лестнице — и с размаху врезалась в чью-то грудь.

Грудь была твёрдой, как стена, и пахла чем-то холодным и дорогим — кедром, морозом, кожей.

— Осторожнее, — сказал низкий голос над её головой. — Здесь ступеньки. В театрах их почему-то всегда делают для тех, кто не опаздывает.

Марина подняла глаза.

Мужчина. Лет тридцати пяти. Высокий — она, со своими метром семьюдесятью пятью, доставала ему только до подбородка. Тёмные волосы, коротко стриженные, жёсткая линия скул, лёгкая щетина. Тёмно-синий костюм без галстука, белая рубашка расстёгнута у горла. И глаза — серо-зелёные, холодные, как вода в ноябре. Он держал её за локти, чтобы она не упала, и не торопился отпускать.

— Простите, — выдохнула Марина. — Я… метро…

— Понимаю. Метро. Великая уравнительница. — Уголок его рта чуть дрогнул, но это сложно было назвать улыбкой. — Вы ведь тоже на «Дядю Ваню»?

— Да.

— Тогда бежим. Говорят, Астров здесь — единственное, ради чего стоит тратить вечер.

Он наконец отпустил её локти, и Марина с удивлением поняла, что ей стало холодно в тех местах, где только что лежали его ладони.

Они вошли в зал одновременно, когда уже гас свет. Он поднялся в директорскую ложу над партером, к бархатным креслам. Марина пробралась к своему месту в первом ряду и весь первый акт ловила себя на том, что ей хочется обернуться и посмотреть наверх.

Она обернулась один раз. Он смотрел не на сцену. Он смотрел на неё.

Марина вспыхнула и уставилась на Астрова так, словно от этого зависела её жизнь.

— Кто это там, в ложе? — шёпотом спросила она у соседки, пожилой театралки с биноклем.

Та поднесла бинокль к глазам и благоговейно выдохнула:

— Ой, деточка. Это же Ракитин. Андрей Ракитин. Он театру новую сцену построил, говорят, сто миллионов дал. Или двести. У него заводы, банки, я не знаю что ещё… В «Форбсе» про него писали. И, представляете, не женат!

«Да что ж вы все сегодня такие неженатые», — подумала Марина.

И тут объявили антракт.

Глава 4. Тысячный выход

До гримёрки Северского нужно было пройти через служебный вход, мимо пожарного щита, по длинному коридору с облупленными стенами, увешанными фотографиями великих спектаклей прошлого века. Марина знала этот путь наизусть.

У поворота она столкнулась с Инессой Звягинцевой. Та стояла у окна в костюме Елены Андреевны и курила, хотя курить здесь было строжайше запрещено.

— Опять к нему? — спросила Инесса, не оборачиваясь. Голос её был неожиданно тихим и усталым, без привычного яда.

— Он просил зайти.

— Он всех просит зайти. — Инесса выпустила дым в приоткрытую форточку. — Знаешь, девочка, я тебе одну вещь скажу. Бесплатно. Глеб — он как этот коридор. Красиво, история, великие фотографии на стенах. А потом заворачиваешь за угол — и там пожарный щит и ведро с песком.

— Я не понимаю, о чём вы.

— Поймёшь. — Инесса затушила сигарету о подоконник и наконец посмотрела на неё. Глаза у неё были красные. — Иди. Он ждать не любит.

Марина пошла дальше, чувствуя на спине её взгляд.

Дверь гримёрки была приоткрыта. Северский сидел перед зеркалом в окружении лампочек, в расстёгнутой рубашке Астрова, и что-то тихо напевал. Увидев её отражение, он просиял.

— Марина! Моя юная муза. Я уж думал, вы меня сегодня бросили.

— Метро, — виновато улыбнулась она.

— Метро! — он рассмеялся. — Будет у вас скоро своя машина, вот увидите. С водителем. Проходите, закройте дверь. У меня для вас сюрприз.

Она закрыла дверь. Северский поднялся, открыл маленький холодильник, спрятанный под столиком, и достал бутылку шампанского. Не какого-нибудь — настоящего, французского, с тяжёлой золотой этикеткой. Два высоких бокала уже стояли на столике, рядом с пудреницей и гримировальными карандашами.

— Глеб Аристархович, вам же ещё играть…

— Тсс. — Он ловко, почти бесшумно, открыл бутылку, и пробка лишь чуть вздохнула. — Сегодня можно. Сегодня, Марина, у меня небольшой юбилей.

— День рождения? Я не знала, я бы…

— Нет-нет. Лучше. — Он разлил шампанское, протянул ей бокал, и пузырьки весело побежали вверх, к самому краю. — Сегодня я в тысячный раз выхожу на сцену этого театра. Тысячный. Представляете? Мне Зинаида Петровна из литчасти утром позвонила, она такие вещи считает, святая женщина.

— Тысяча спектаклей… — Марина покачала головой. — Это же…

— За семь лет. — Северский сел обратно на стул, покачивая бокал в тонких пальцах, и взгляд его вдруг стал далёким. — Я ведь здесь всего семь лет. Вы не знали? До этого двадцать с лишним лет служил в другом театре. Там я вырос, там стал тем, кем стал. Мне прочили худруком стать, когда старик уходил на покой. Всё было решено, понимаете? Старик меня сам назвал. Труппа за меня была. Я уже планы строил, репертуар в голове складывал…

Он помолчал. Отпил шампанского.

— А потом вмешался один очень влиятельный человек из министерства. Чиновник от культуры. — Северский произнёс это слово так, словно оно было горьким на вкус. — И поставил худруком свою любовницу. Тридцатилетнюю режиссёршу, которая за всю жизнь поставила два спектакля, оба провалились. Вот так. Двадцать лет жизни — и в один день всё.

— Это ужасно, — тихо сказала Марина.

— Это Москва, девочка моя. — Он грустно улыбнулся. — Пришлось уйти. Гордость, знаете ли, не позволяла остаться и смотреть, как она губит мой театр. Пришёл сюда. Думал — не приживусь. Тут свои звёзды, свои кланы, свои старые обиды. На меня смотрели как на захватчика. Звягинцева, помню, полгода со мной не здоровалась.

«А потом поздоровалась, — подумала Марина. — И приехала к вам с вещами».

— Но вот, — Северский развёл руками, — нашлась и для меня пара спектаклей. Астров вот. Лир, в прошлом сезоне. И многие ведь реально приходят «на меня». Не на пьесу, не на режиссёра — на Северского. Это, знаете ли, в моём возрасте греет больше, чем любые звания.

Он поднял бокал.

— За тысячу выходов. И за вас, Марина. За то, чтобы у вас их было десять тысяч.

Они чокнулись. Хрусталь звякнул тонко, жалобно. Марина отпила глоток — шампанское было ледяным и колючим, совсем не таким, какое она пробовала на выпускном в Воронеже. Северский выпил свой бокал до дна, одним долгим глотком, и тут же налил себе второй.

— Глеб Аристархович, — не выдержала она. — Вам же правда ещё выходить. Третий акт, сцена с Еленой…

— Пустяки, — отмахнулся он и подмигнул. — Это для блеска в глазах. Старый актёрский секрет. Чехов, между прочим, тоже был не дурак выпить. А Астров — тем более, он у Антона Павловича пьёт почти в каждом акте. Так что это, можно сказать, вживание в роль.

Он поставил бокал. Встал. Подошёл к ней — близко, так близко, что Марина почувствовала запах его грима, одеколона и шампанского.

— Вы даже не представляете, что вы для меня значите, — сказал он тихо, глядя ей в глаза. — Я уже думал, что всё в моей жизни случилось. Всё сыграно, всё прочитано, всё пережито. А потом в аудиторию вошла девочка из Воронежа и прочла Цветаеву. И я снова почувствовал себя живым.

— Глеб Аристархович…

— Глеб, — поправил он. — Просто Глеб. Хотя бы сегодня.

И поцеловал её.

Его губы были сухими, горячими и пахли шампанским. Рука легла ей на затылок — мягко, но твёрдо, так, что отстраниться было невозможно, не оттолкнув его. Марина замерла. Первым порывом было вырваться, упереться ладонями ему в грудь, выскочить в коридор. Тело напряглось, как струна.

Но она не вырвалась.

Она стояла и терпела, считая секунды, как когда-то считала их на холоде, ожидая автобус в Воронеже. Одна. Две. Три. И где-то глубоко внутри, под рёбрами, холодный трезвый голос говорил: «Вот так. Вот так это и начинается. Сначала поцелуй в гримёрке. Потом ужин. Потом квартира на Патриарших с бархатным покрывалом. И однажды придёт день, когда тебе придётся лечь с ним в постель, Марина. Ты ведь знала, что этот день придёт. Ты ведь не дура».

И от этой мысли ей стало так тоскливо и так противно — не от него даже, а от себя, — что защипало в глазах.

«Не хочу, — подумала она с отчаянием. — Господи, как же я этого не хочу».

Затрещал динамик над дверью, и голос помрежа, равнодушный и хриплый, произнёс:

— Северский, на сцену. Северский, ваш выход через три минуты.

Он отстранился. Глаза у него и правда блестели — то ли от шампанского, то ли от чего-то ещё. Он провёл большим пальцем по её щеке.

— Не уходите, — попросил он. — Подождите меня здесь. После спектакля я хочу вас кое с кем познакомить. И кое-что вам сказать. Важное. Обещаете?

— Обещаю, — услышала Марина свой голос.

Северский набросил на плечи пиджак Астрова, бросил последний взгляд в зеркало, поправил седую прядь — и вышел. Дверь за ним закрылась мягко, с тихим щелчком.

Марина осталась одна.

Глава 5. Темнота

В гримёрке стало очень тихо.

Только из динамика над дверью доносилось приглушённое, как сквозь вату, эхо спектакля: шаги по сцене, чей-то смех, голос Северского — уже не тот, которым он только что шептал ей «просто Глеб», а другой, сценический, звучный, пробирающий до последнего ряда балкона.

Марина опустилась на его стул перед зеркалом.

Из зеркала на неё смотрела девушка с растрёпанными волосами и слишком яркими губами. Помада размазалась. Марина взяла ватный диск, стёрла её — резко, почти зло, так, что губы заныли, — и долго разглядывала своё отражение в обрамлении жёлтых лампочек.

«Ну и кто ты теперь? — спросила она отражение. — Студентка? Актриса? Или очередная девочка в гримёрке народного артиста?»

Отражение молчало. У него, у отражения, были мамины глаза и бабушкин упрямый подбородок, и ему было стыдно.

На столике перед ней стояли два бокала — её, почти полный, и его, пустой, со следом губ на краю. Початая бутылка. Пудреница. Баночки с гримом. Старая чёрно-белая фотография, заткнутая за раму зеркала: молодой Северский, лет тридцати, смеётся, обнимая за плечи какую-то женщину. Лицо женщины было аккуратно отрезано ножницами.

Марина нахмурилась и наклонилась ближе. Нет, не отрезано. Оторвано. Неровно, будто в спешке или в гневе.

Рядом с фотографией лежал его телефон. Экран вспыхнул — пришло сообщение. Марина не собиралась читать, честное слово, не собиралась, но экран был прямо перед её глазами, а буквы — крупными:

«Ты обещал, что сегодня всё ей скажешь. Я больше не могу ждать».

Отправитель был записан одной буквой. «И».

Экран погас.

Марина откинулась на спинку стула. Сердце заколотилось. «И» — Инесса? Это она — «больше не может ждать»? Но что он должен был «ей сказать»? Кому — ей? Марине? Это и есть то «важное», о чём он просил подождать после спектакля?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.